

И. И. АНТОНОВИЧ,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА)

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ

В статье анализируется современное социально-экономическое положение в мире, которое формируется и направляется транснациональными корпорациями, создающими в погоне за прибылью транснациональные структуры власти, чье влияние выходит за рамки политических и экономических интересов национальных правительств. Тогда как в разгар их транснациональной деятельности ТНС нуждаются в помощи правительств отдельных мощных государств для достижения своих целей на постоянной основе. Из системы альянса только США имеет возможность и желание это сделать. Американская стратегия лидерства в XXI в. в основном базируется на использовании инструмента «сетевые войны».

Ключевые слова: глобальное управление, сетевые войны, инструмент сетевых войн, транснациональные корпорации, транснациональные структуры власти.

The article analyses contemporary social and economic situation in the world as it is formed and directed by the transnational corporations which in the pursuit of profit create transnational structures of power and influence which transcend the political and economic interests of national governments. Still in the midst of their transnational pursuits the TNC need the assistance of some powerful governments to pursue their aims in a consistent way. Out of the system of Atlantic alliance only the USA is able and willing to do it. American strategy of leadership in the XXIst century is mostly based on using the instrument of Network wars.

Key words: global governance, network wars, instrument of network wars, transnational corporations, transnational structures of power.

За последние двадцать с лишним лет в странах постсоветского пространства опубликованы десятки, если не сотни книг по проблемам управления менеджментом. В каждой из них давались рецепты быстрого достижения светлого будущего в новых исторических условиях с помощью новых средств управления экономикой и обществом. К сожалению, автору неизвестно ни одного серьезного исследования на эту тему, которое бы давало свои рекомендации, основываясь на скрупулезном социально-экономическом и историческом анализе той или иной страны постсоветского пространства. Такой анализ пока почти невозможно провести. Социалистические экономики, вознамерившись перейти в несколько приемов к экономикам развитого капиталистического типа, пока что вот уже несколько десятилетий представляют собой хаотическое скопление прежних, но надежных методов управления, со все еще действующими социалистическими, промышленными и аграрными предприятиями и новыми приватизированными общественно-экономическими структурами, главная цель которых – максимизация прибыли за счет жестокого угнетения и эксплуатации интересов населения. С другой стороны, большинство авторитетов по менеджменту в своих исследованиях использует в качестве объекта социально-историческую реальность английского капитализма XIX в. и опирается на классические марксистские принципы регулирования общественных процессов. Колоссально изменившийся мир, однако, требует новых подходов, новых приемов и новых нетривиальных решений, а самое главное – знания новых условий перехода от социализма к капитализму.

Мир находится в глобальной взаимозависимости и управляется с помощью финансовых и информационно-аналитических сетевых структур, осуществляющих повседневный контроль в режиме онлайн над процессами производства и обмена, сбыта и потребления в мировом масштабе. Это и есть глобализация, формирующая мировые реальности на стыке XX и XXI вв.

В основе глобальной взаимозависимости лежит капиталистическая система общественного производства, не встречающая серьезных конкурентов на всемирной арене и формирующая миропорядок по триединой формуле: «Свободный рынок, продвижение демократии и уважение прав человека». Эта формула атлантической модели – суть нового миропорядка, когда судьбы народов зависят от целенаправленного транснациональных корпораций, мотив деятельности которых прежний – максимизация прибыли. Такой мотив блокирует возможность реализации целей развития в интересах всего общества.

Собственно глобализация, к которой приковано сейчас внимание исследователей всего мира, не новый исторический процесс. Многие исследователи отмечают, что ее зачатки обнаруживаются уже в начале XX в. Знаковым событием в этом смысле является Парижская международная выставка 1900 г., которая, как утверждают сегодня многие социологи и историки, означала начало реструктуризации мирового

хозяйства и общественных отношений. На этой выставке зримо обозначилось соперничество Франции и Германии с Англией, владычицей морей и двигателем мировой экономики. И хотя Францию и Германию исследователи в начале XX в. называли «странами ранней индустриализации», было ясно, что их целью является догнать и перегнать Великобританию в качестве «всемирной мастерской и кочегарки», и даже превзойти ее. Особенно всех удивила Германия богатством своего выставочного материала и мощным павильоном, в центре которого находился «Рейх – дворец» (Reich palast), невиданный по архитектуре и эманулирующий новую мощь. На фоне германской экспозиции все остальные европейские страны выглядели бедно. Французские посетители и особенно ветераны франко-прусской войны 1870 г. печально качали головой, приговаривая, что «выставка представляет собой второй Седан», имея в виду колоссальное поражение французских войск прусскими в 1870 г.²

Наряду с немецкой экспозицией обращала на себя внимание и японская, однако сравняться с немцами японцам не удалось, и посетители посчитали ее «восточным эхом великих исторических успехов на Рейне», двигателями которых являлись гимн труду, отечеству и пропаганда войны как демонстрации силы³.

Американские павильоны выглядели бледно. Родиной промышленной революции по-прежнему считалась Англия, однако американская коммерческая хватка уже хорошо ощущалась всюду в мире, и наблюдатели полагали, что немецкая наука, американская коммерческая практика и японская военная сила могут бросить серьезный вызов европейскому господству⁴.

События начала XX в. слегка уточнили эти оценки, ибо уже в первую декаду века наиболее динамичной технико-индустриальной державой обнаружила себя Америка. Величайшей индустриальной революцией Америки стало изобретение «безлошадного экипажа» (horseless carriage) – автомобиля, который конвейерное производство Форда сделало доступным широким слоям населения. Новая машина трансформировала образ жизни. Автомобиль потребовал новых транспортных артерий, целой серии мастерских, отелей, столовых, мест развлечения. Америка замыкалась в одну индустриально-техническую мощь. Двигателем этой мощи являлась автоматизация производства, позволившая промышленнику Генри Форду произвести народную модель «автомобиль Т», стоимость которого за 5 лет он снизил от 700 долл. в 1910 г. до 350 долл. в 1915 г. Одновременно американский бизнес сумел серьезным образом повысить в этот период заработную плату работающих. Чтобы приобрести «автомобиль Т», среднему американцу нужно было работать в 1910 г. полтора года, а в 1915 г. – только 6 мес.

По мере роста производительности свершилась эволюция снижения цен и увеличения потребительского спроса. На том же заводе Форда производство автомобилей увеличилось с 34 тыс. в 1910 г. до 830 тыс. в 1916 г. В целом по США в это время было выпущено полтора миллиона автомобилей – в четыре раза больше, чем в остальном мире.

С появлением автомобиля на рынке в Америке, а затем и в Европе началась эра массового потребления, которая стала одним из главных рычагов социально-экономической динамики капитализации вплоть до конца XX в.

Расширяющееся производство требовало все больше крупных фабрик и заводов, новых принципов и средств управления. Условием успеха в экономическом соперничестве явилось строительство новых заводов с наиболее современным оборудованием, производящих товары широкого народного потребления, доступные основной массе населения. Великобритания – стареющая и слабеющая мировая держава – к этому времени не могла успеть за индустриально-технической гонкой США, Германии и Японии. Эти три страны постепенно подчиняли себе мировые рынки, поставляя им все новые и все более дешевые товары и реализуя коммерческие принципы, недоступные европейским странам.

Первая мировая война вовлекла в свою смертоносную орбиту Германию и другие европейские страны, которые вышли из нее серьезно ослабленными. США вступили в Первую мировую войну, когда ее исход уже был ясен, фактически для того, чтобы получить свою долю при разделе трофеев, которая полагалась Российской империи, несшей на себе основную тяжесть войны, но вышедшую из нее ввиду того, что монархический режим был уничтожен революционными процессами, надолго выключившими Россию из мировой торговли, обмена и политики.

Обесиленные войной и попавшие в долговую кабалу к Соединенным Штатам, Великобритания и Франция наложили тяжелейшую контрибуцию на Германию. Получаемые средства в виде контрибуции и репараций уходили на оплату процентов по их задолженности США. США, в свою очередь, использовали поступающие деньги для кредитных инвестиций в Германию, что в конечном итоге помогло стать на ноги фашизму⁵.

Америка получила по итогам Первой мировой войны важнейшие стратегические и экономические преимущества, которых она уже не уступила никому вплоть до конца XX в. Наиболее болезненным и запоздалым понимание этого было в Велико-

британии. До начала Первой мировой войны англичане никак не могли согласиться, что их страна выпадает из списка лидеров мировой конкурентоспособности. Между 1870 и 1913 гг. общий объем британской экономики удвоился, валовой доход увеличился в расчете на каждого жителя британских островов на 50 %. После окончания Первой мировой войны Великобритания обнаружила, что она потеряла эти преимущества, и английские производители были вытеснены не только с мировых рынков, но даже из внутреннего: все заполнили американские товары, лучшие по качеству и более низкие по цене⁵.

Английские исследователи, пытаясь сохранить лицо, говорят, что причина этого упадка отнюдь не обесиленность войной, а тот факт, что Великобритания больше сосредоточилась на сфере услуг во внутриэкономической политике, увлеклась выгодными инвестициями за рубежом и слабо развивала национальную индустрию. На самом деле истина в другом. Вышедшие на мировой рынок и включившиеся в мировое соперничество Германия и США развивали новые виды промышленности, которые обеспечили ускоренную индустриализацию и колоссально увеличили поток товаров потребления, заставив потребительский спрос работать на расширение экономики. Англия до Первой мировой войны была слишком занята и в какой-то мере «испорчена» эксплуатацией колониальных богатств. После Первой мировой войны она увязла в бесперывных колониальных войнах, стремясь сохранить свою расшатанную империю, и это поглощало все ее жизненные силы.

Еще одним фактором американского успеха была интенсивная банковская деятельность американских финансистов и ее репутация страны, строго придерживающейся золотого стандарта. К концу XIX в. большая часть индустриально развитых стран с трудом придерживалась золотого стандарта. В обращение включились бумажные деньги. Колоссальный экономический кризис в США и других капиталистических странах 1930-х гг. еще больше усугубил экономическое неравенство между ведущими европейскими государствами, обострил социально-экономические отношения и стал причиной Второй мировой войны, из которой в западном мире главным победителем вышли США. Под их контролем оказался мировой рынок. Они стали главными кредиторами западного мира. Восстановив экономику своих бывших противников – Германии и Японии, в целях усиления своих позиций в стратегии сдерживания коммунизма США таким образом превратили эти страны в своих финансово-экономических вассалов.

Тяжкая удавка американской стратегии и американских управленческих решений ощущается обеими этими странами и сегодня. Подчинив себе исторических соперников, США позаботились о том, чтобы повсюду на мировой арене не возникало государств или группы государств, которые могли бы бросить вызов их господствующему положению.

Американская социологическая, философская и историческая литература полна мажорными лозунгами «американской исключительности», «американской очевидной судьбы», «американского лидерства» и т. д., вплоть до сего дня, несмотря на то что экономическая ситуация в самих США дает для этого мало оснований. Память о недавнем могуществе устойчива, как и гордость за славное прошлое. Сила США, лидирующих в конце XIX–XX вв., – в успешном свершении производственной научно-технической революции, радикальным образом изменила систему производства и увеличила объемы выпускаемых благ. Доступность этих благ привела к тому, что классовая борьба организованного пролетариата потеряла свой масштабный и всемирно исторический характер, превратившись в демонстрации и вспышки недовольства в странах и в отдельных отраслях производства, а мощная производственная система западных стран подчинила весь мир своим рыночным требованиям, завалила его необходимым количеством товаров и сумела осуществить контроль над всеми регионами мира. Куда поступали американские товары, туда же проникали финансово-кредитные потоки, создавая рычаги управления и военные средства контроля.

Важнейшим аспектом интеллектуальной революции по пути к глобальному капиталистическому миру стало объединение интересов рабочих – пролетариата и владельцев средств производства – капиталистов. Известный специалист по мировому менеджменту Петер Ф. Дракер объясняет это одной формулой: «Производственная эффективность»⁶. Цель состояла не только в том, чтобы постоянно увеличивать прибыль владельцев, но и наращивать возможности широких слоев населения в потреблении жизненных благ. Общество массового потребления стало новой социальной реальностью, в которой владельцы и рабочие, капиталисты и пролетарии имели общий интерес в повышении производительности и создании на этой основе гармоничных отношений в областях, требующих применения новых знаний к труду.

Гармония интересов между пролетариями и владельцами средств производства, конечно же, не наступила, однако в ведущих капиталистических странах было достигнуто определенное понимание того, что благополучие населения увеличивается только в условиях возрастания объемов производства и производимого продукта. Сам факт нарастания объемов производства требовал увеличения как международных, так и внутренних рынков, и поэтому потребительский спрос, в первую очередь населения самих производящих стран, стал мощным фактором расширения производства после Второй мировой войны.

Новые управленческие технологии распространялись не столько на систему капиталистического производства, сколько на возбуждение потребительского спроса, для чего приходилось делать определенные шаги, повышая заработную плату трудящегося населения и обеспечивая доступность жизненных благ. Глобальный капитализм, означающий создание взаимозависимой производственно-экономической финансовой системы всемирно-исторического масштаба под контролем США, стал реальностью после Второй мировой войны⁷. В основе его, конечно, лежала новая система отношений между владельцами капитала и наемными работниками. Seriously изменилась и природа капитализма. У истоков инновационного производства стоял уже не одинокий капиталист-предприниматель, владелец всех средств, а ассоциации, акционерные общества владельцев капитала, которые должны были объединяться для финансирования новых громадных инновационных проектов. Между 1945–1973 гг. собственность на капитал в процессе производства делегировалась группам менеджеров, которые разрабатывали решения по увеличению производительности и получению прибыли и вознаграждались примерно так, как и владельцы капитала. Управленческая элита оказалась одинаково заинтересованной в увеличении прибыли, как и «коллективный капитализм».

В 1960–70-е гг. исследователи заговорили о становлении нового международного и межрегионального разделения труда, формировании на этой основе других соотношений классовых сил и появлении новых структур производства в международных масштабах, которые в капитализме эпохи свободного предпринимательства или даже на его империалистической стадии возникнуть не могли.

Петер Дракер так характеризует некоторые черты этого нового явления: «Появление глобального капитализма серьезным образом ускорялось технологическими революциями. В их числе колоссальные изменения в морском транспорте после Второй мировой войны (контейнеризация, новые двигатели, новые технические мощности, воздушный транспорт). Новая технология транспортировки серьезно снизила расходы на доставку, по сравнению с производственными и рыночными затратами. Информационные технологии (электронные телекоммуникации и электронная обработка данных) сделали реальностью финансовые рынки. Благодаря этому контролю управление мировыми процессами стало намного проще и быстрее, чем когда бы то ни было. Огромные объемы капитала движутся по миру со скоростью света и столь же молниеносно инвестируются в производство. Отдельные этапы производства сливаются в одну непрерывную линию и это колоссально увеличивает доходность»⁸.

Благодаря новой информационной революции предприятия смогли использовать в своих филиалах рабочую силу в странах с различными экономическими системами и образом жизни. «Благодаря этим новым технологиям и под давлением процесса накопления, капитал может сейчас размещать исследовательскую работу и программы развития, высокотехнические производства и малотехнические конвейерные линии в самых различных частях света и управлять ею в одной программе, направленной на максимализацию прибыли»⁹.

Характерно, что это создает возможности для крупных фирм в самых разных частях света. При всем при этом и уровень оплаты, и индустриальное поведение, и связи между работающими и управляющими различны.

Так возник средний класс, крайне пестрый по своему социальному составу, включающий в себя широкие круги интеллигенции, – врачи, учителя, государственные служащие, офицеры полиции, армии, правоохранительных органов и высококвалифицированных рабочих (так называемые «голубые воротнички»).

Они оказались объединены примерно одинаковым уровнем жизни, формирующимся в обществе массового потребления, делающим доступным широкий набор потребительских благ и создающим ощущение незыблемости и уверенности в завтрашнем дне.

В большинстве капиталистических стран в 1960-е и 1980-е гг. массовая структура среднего класса охватила значительную часть общества. Это люди, ориентированные на широкое потребление и на постепенное увеличение качества жизни. До конца 1990-х гг. они были уверены, что их дети будут жить лучше, чем они сами. В усло-

виях доступности жизненных благ революционные импульсы угасали, а благополучию, казалось, не будет конца. Эти умонастроения повлияли на состояние социального благополучия и обрушили нефтяной кризис середины 1970-х гг., кризис же привел к серьезному нарушению платежных балансов в большинстве капиталистических стран и к концу 1980-х гг. уверенности, что дети представителей среднего класса будут жить лучше, чем они сами, уже не было.

В «нулевых» XXI в. численное количество среднего класса в ведущих капиталистических странах уже не возрастает, рост жизненного уровня замедлился, и это создает социальное напряжение, растет недоверие к структурам власти и демократическим процессам этих стран. Новая ситуация в условиях глобальной экономической и финансовой взаимозависимости основных стран мира с наиболее производительными экономикой в 1980-е гг. вошла в полосу затяжного кризиса. Этот кризис, фиксируемый известными исследователями современного капитализма (Манделл, Кастельс, Бауолс, Гордон, Вайскопф, Армстронг, Флинн, Харрисон), наиболее болезненно выражается в снижении уровня прибылей крупных индустриально-производительных комплексов.

Дракер говорит по этому поводу: «В условиях глобального капитализма экономическая география мира реорганизуется. Международное разделение труда, сложившееся в условиях монополистического капитализма, серьезным образом преобразуется. Концентрация производственной деятельности в регионе Западной Европы и Северной Америки сменяется движением на восток. Индустриализация быстро охватывает все новые регионы мира»¹⁰. В новые регионы мира проникают, разумеется, самые мощные индустриально-технические гиганты, обладающие огромным избыточным капиталом. Освоение новых регионов мира заставляет их накапливать капитал, чтобы инвестировать его за пределы своих стран. Это сужает возможности производственно-экономического роста в твердых капиталистических производствах и накопления. Быстро развивающиеся страны третьего мира в какой-то мере становятся соперниками капиталистических метрополий. Большая часть *outsourcing*, т. е. стратегии размещения промышленности в развивающихся странах, в качестве главной мотивации имеет невысокую стоимость рабочей силы в этих странах.

Размещая новые производства в странах третьего мира, крупные капиталистические предприятия «ломают» сложившиеся отношения труда и капитала в традиционных капиталистических странах. В эпоху глобального капитализма появляются новые формы экономического соперничества – пространственная мобильность и эволюция цен. Кто первый разместил свое производство в развивающейся стране, тот первый получает преимущество в прибыли за счет снижения стоимости рабочей силы. Преимущество это недолговечно, ибо оно, как правило, размывается соперничающими крупными производственными концернами, однако даже кратковременное опережение конкурента дает ощутимую прибыль.

В глобальном капитализме возникают новые формы взаимозависимости, требующие новых форм согласования и управления, в частности примирение интересов высокооплачиваемых высококвалифицированных рабочих у себя дома и низкооплачиваемых рабочих в развивающихся странах. Постоянная научно-техническая революция в производстве, увеличение продукции путем все меньшего числа работающих людей создают новые резервные армии высококвалифицированного труда в странах-метрополиях, которые уже не могут быть поглощены сферой услуг.

Часть их поглощается новыми производствами за рубежом, куда квалифицированные работники выезжают по долгосрочным контрактам, но это не решает проблемы. Наблюдая эти процессы, исследователи из стран третьего мира, включенных в мировые интеграционные процессы глобального капитализма, говорят о необходимости «создания полицентричного мира, как управленческой структуры, в которой система взаимозависимости между более и менее развитыми странами может быть создана на основе учета нужд развивающихся стран»¹¹. Это касается ликвидации массовой бедности и создания условий получения образования населению стран третьего мира хотя бы там, где они включаются в мировые производственные процессы глобального капитализма.

Речь идет, конечно, о мировых программах, требующих усилий всех стран, участвующих в глобальном мировом разделении труда, формирующих структуры глобального капитализма в товарном производстве и рыночном обмене. Проблема, однако, в том, что структура глобального капитализма отнюдь не единый, четко функционирующий управленческо-производственный массив. Она представляет собой целую иерархию систем производства, сбыта и потребления. Известный экономист и социолог Бруно Амабль говорит о том, что существуют разные виды капитализма,

которые определяются различием форм и способов конкуренции на мировых рынках в различных регионах, уровнем и системой оплаты труда в различных сегментах рабочей силы на мировом рынке труда, спецификой соотношения финансово-инвестиционной политики и корпоративного управления, социальной защиты систем образования. Он говорит: «Я исхожу из существования пяти типов капитализма, которые характеризуются специфическими институциональными формами и своеобразием: чисто рыночная модель; социал-демократическая модель; континентальная европейская модель; средиземноморская модель; азиатская модель»¹².

Для нас важно отметить, что в условиях этого плюрализма организационно-управленческих форм институты глобального капитализма структурировались таким образом, чтобы избежать государственного вмешательства даже и в сильных в экономическом отношении странах. В этих условиях реализовать задачу получения прибыльности в мировом масштабе можно, только освободившись от диктата государства. Известный итальянский исследователь Джованни Арриги характеризует этот процесс так: «К 1970 году, когда наступил кризис американской гегемонии, воплощенный в мировом порядке холодной войны, транснациональные компании создали мировую систему производства, обмена и накопления, не подчиняющуюся ни одному государству и способную подчинить своим «законам» любого члена межгосударственной системы, включая Соединенные Штаты. Появление этой системы свободных предприятий, то есть свободных от ограничений, накладываемых на процессы мирового накопления территориальной закрытостью государств, было наиболее важным результатом американской гегемонии»¹³.

С последней декады XX в. субъектом управления в глобальном капитализме является транснациональная корпорация (large scale organization), владеющая сетевыми структурами производственных предприятий, разбросанных по всему миру, постоянно перемещающаяся из одной страны в другую в зависимости от эволюции прибыльности. Проникновение транснациональных корпораций в ранее закрытые регионы мира осуществляется по триединой формуле апологетики: и общий рынок, продвижение демократии, и защита прав человека. Однако транснациональным корпорациям ни к чему демократические технологии управления общественными процессами. Им нужна только прибыль. Эпоха глобального капитала есть эпоха транснациональных корпораций. И, когда современный капитализм становится единой глобальной сетевой структурой, состоящей из различных взаимозависимых компонентов, войны транснациональных корпораций за рынок становятся ожесточенными. Дорогостоящая конкуренция и экономические войны уступают место монопольным сговорам. Только так они могут обеспечить доступ к сырью и максимализации прибыли в странах пребывания. Это, к сожалению, не означает, что глобальный мир становится сферой всеобщего дружелюбия. Он не только не исключает войн, но придает им иной характер: войны диктуются интересами капитала и осуществляются странами, наиболее зависимыми от транснациональных корпораций. Внешнеполитической формулой, прикрывающей международную деятельность транснациональных корпораций, является «хорошее управление» (good governance), обеспечение соответствия национальных экономических интересов правилам игры глобальных экономических и финансовых сил.

Транснациональные корпорации реализуют модель производства и сбыта универсального характера, замыкающую цепь производств в единую систему контроля: от добычи ресурсов и поставки сырья, транспортных возможностей обеспечения доставки его к месту производства, с последующим выдвиганием производственного продукта в наиболее выгодные рынки, обеспечивающие максимальную прибыль.

Производство, сбыт и потребление формируется в единую всемирную взаимозависимую систему и контролируется крупномасштабными организациями, действующими в условиях монопольных сговоров по доступу на наиболее прибыльные рынки. Для решения производственных задач транснациональные корпорации создают всемирные информационно-аналитические сети, развивают мощные разведывательные структуры, которые часто превосходят возможности отдельных государств и контролируют финансовую и банковскую систему, которая постоянно по ходу производства играет своего рода роль компенсаторного механизма, внедряющегося в производство системой кредитов каждый раз, когда в нем обнаруживаются сбои.

Корпоративная философия и стратегия действий имеет мало общего с системами ценностей, сложившихся в национальном государстве. Американский исследователь системы корпоративной власти Дэниэл Литвин называет современную транснациональную корпорацию «психопатическим созданием», которая «Не может признавать или соблюдать моральные соображения, суть которых сводится к тому,

чтобы избежать причинять вред другому. В ее правовой структуре не содержится ни грамма ответственности за последствия своих действий. Более того, они не раздумывают, когда надо нанести вред другому при условии, что получаемые за это преимущества намного превысят расходы. Только прагматичная забота о своих собственных интересах и законах страны пребывания служит тормозом хищных инстинктов корпорации. Но и этого редко когда достаточно для того, чтобы помешать корпорации приносить в жертву человеческие жизни, причинять вред человеческим поселениям и нарушать равновесие земли»¹⁴.

Важнейшим принципом деятельности транснациональной корпорации является «экстернализация убытков». Распространяя свое влияние на весь мир и, в частности, на те страны, где находятся ее предприятия, добываются энергоресурсы, сырье, проходят транспортные, железнодорожные, морские, военно-воздушные пути, корпорация всегда стремится к тому, чтобы негативные последствия от ее деятельности оставались в этих странах, а не оказывали существенного влияния на судьбы прибыли. Национальные правительства вынуждены констатировать факты негативных последствий деятельности корпорации и их неудержимую алчность при максимализации прибыли, однако ни одно демократически избираемое правительство не в состоянии ограничить эту деятельность.

Ведь стоит только применить сверхстрогий контроль за характером производства на том или ином крупном предприятии западных стран, транснациональная корпорация мгновенно принимает решение о перемещении этого предприятия в страны Азии, Латинской Америки с дешевой рабочей силой. Правительству остается заниматься судьбами тысяч людей, оставшихся в результате этого без работы, искать пути ликвидации финансовой бреши, ввиду того, что налоги корпорация выплачивает уже другому государству, и пытаться разрядить социальное напряжение.

Большая часть проблем между правительствами и транснациональными корпорациями решается тихо, без огласки. Американский исследователь корпоративной власти Д. С. Кортен говорит о том, что экономическая глобализация сформировалась и исполняется сегодня в тщательно замаскированных программах, доступа к которым общественность не имеет. Отношение между национальной властью и корпоративным руководством осуществляется в основном в форме консенсуса между элитами производства и элитами власти. «Вроде бы все осуществляется в открытую, – говорит Кортен, – но тем не менее широкие круги общественности уследить за тонкостями политических договоренностей между властью и корпорацией не в состоянии»¹⁵.

Кортен говорит о трех важнейших структурах консенсуса элит, созданных для того, чтобы ликвидировать противоречия между корпоративными интересами. Он называет Американский совет по иностранным отношениям Бильдербергским клубом. Трехсторонняя комиссия служит центром, где осуществляется консенсус элит производства, финансов и власти современного западного мира¹⁶. Все острые вопросы обсуждаются не публично, тайно, в режиме строго законспирированных масонских лож.

Кортен пишет, что в этом «эксклюзивном, закрытом сообществе» присутствуют только люди, которые способны достичь консенсуса. Те из структур корпоративной власти или политической власти, кто не признает возможностей консенсуса, даже из числа лидеров западных стран, в клуб не приглашаются, и понемногу выдавливаются, как из экономического, так и из политического процесса»¹⁷. И все же транснациональные корпорации, решая свои задачи максимализации прибыли, в различных участках земного шара, несмотря на полную свободу в принятии решений по производственным делам, нуждаются в государстве, особенно крупном государстве, которое могло бы применить свою власть и имеющиеся возможности для обеспечения максимально благоприятных условий ведения бизнеса.

Недавно профессор школы международных исследований Денверского университета Джонатан Эндрюман в своей статье в журнале «Forbes», говоря о новой потребности в мировом лидерстве со стороны ведущей политической силы, заявил: «Кто, кроме Соединенных Штатов может претендовать на мировое лидерство? Европейцы? Японцы? Русские? В Европе сейчас безработица на уровне 12 %, (в Греции и Испании – на уровне 26 %) и почти нулевой экономической рост. Вдобавок население во многих странах Европейского Союза сокращается. Население Японии тоже сокращается и стремительно стареет. Эмигрантов в страну прибывает мало. Индекс Nikkei до сих пор на 20 тыс. с лишним пунктов ниже, чем в 1986 г., а японский госдолг составляет 240 % от ВВП. Кроме того, в последние два десятилетия экономика Японии росла крайне медленно. Хотя Россия в последнее время часто упоминается в прессе, как страна, принимающая Олимпиаду и Эдварда Сноудена, это еще не делает ее сверхдержавой. И у нее торговый профиль страны «третьего мира», ВВП, как у Канады (что составляет меньше 15 % от ВВП Соединенных Штатов), и нет ни «мягкой» силы, ни кремниевой долины, ни Голливуда, ни Уолл-Стрит, ни университетов с высокими рейтингами»¹⁸.

Именно такое лидерство США стремились осуществить в начале XXI в., однако увязли в войнах в Ираке и Афганистане, которые они не смогли выиграть. От цели мирового лидерства они тем не менее не могут отказаться. К этому вынуждает их экономическая ситуация в западном мире, чем-то напоминающая ситуацию в 1945 г. после окончания Второй мировой войны: кроме США, ответить на вызовы мировой ситуации в западном сообществе никому. США развивают и совершенствуют свои средства воздействия на мир, максимально активизируя как «мягкую» силу, так и военные возможности. И, похоже, в ближайшем будущем будут решать свои задачи с помощью сетевых войн.

Ключевым понятием для этой стратегии является термин «сеть». В американском языке помимо существительного network появился и глагол to network – охватить сеть, внедрить сеть, подключить к сети. В основе сетевых войн лежит информационное воздействие на мировые структуры и процессы в условиях, когда экономика материального производства постепенно заменяется экономикой знания, чтобы контролировать процесс принятия решений за счет активизации информационного обмена. Структуры сбора и обработки информации в США получают массу эмпирических данных, которые позволяют им ориентироваться как в динамике мировых социально-экономических процессов, так и в направлениях их дальнейшего развития. Основой стратегии сетевой войны является «Операция базовых эффектов» (effects based operations, ЕВО, по-русски ОБЭ). ОБЭ определяется как совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил, врагов в ситуациях мира, кризиса и войны.

Понятно, что влияние – это выражение «мягкой» силы. Однако в каждом случае, когда «друзья, нейтральные силы и враги» этому влиянию не поддаются, США, не размышляя долго, употребляют «твердую силу» – мощную сетевую структуру военного присутствия всюду в мире в виде более чем 300 военных баз, расположенных в самых различных регионах мира, а также путем постоянного патрулирования мирового океана американскими флотилиями, разделение мира на 6 регионов воздействия американскими вооруженными силами в случае необходимости. Сейчас в Пентагоне сформирована командная структура по каждому из этих регионов.

Сетевых войны, которые США собираются практиковать в текущем столетии, превращают субъекты управления национальных государств в управляемые марионетки еще до того, как США попытаются нанести им окончательное поражение военной силой. Некоторые исследователи называют это «выигрышем битвы до ее начала». Пока что в современном мире США – единственное государство, обладающее необходимым экономическим и военным потенциалом, системой международного присутствия и геополитическими целями, которые делают необходимым такие войны.

По сути, мировое противостояние СССР и США, как двух центров силы в XX в., тоже своего рода форма мирового контроля, ибо требовало мобилизации всех экономических, военных и даже культурно-нравственных ресурсов. Это противостояние на грани войны, взаимного уничтожения, а для реализации его целей использовалось «сетевое программирование», объединяющее пропагандистское влияние, экономическое воздействие и военную угрозу в комплексную стратегию мировой политики. Каждая из сторон делала максимум возможного, чтобы обеспечить свое выживание.

В XXI в., когда на глобальные стратегические просторы в качестве второго государства мира выдвигается Китайская Народная Республика, подобное двустороннее противостояние вполне реально. Такое взаимодействие может воспроизвести двухполюсный формат. Однако если противостояние СССР и США обеспечивали в основном национальные системы, радикальным образом отличные, то нынешнее экономическое, индустриально-техническое могущество Китая и других стран Азии в условиях быстро развивающихся экономик обеспечено за счет экспансии транснациональных корпораций, инвестиций западных капиталов и ноу-хау. Иначе говоря, экономические системы новых влиятельных государств сформированы технологиями вестернизации. Это создает принципиально новую геополитическую конфигурацию возможной двухполярности.

Уже сегодня Китай и США существуют как две мощные, взаимозависимые структуры: Китай испытывает острую потребность в хай-тек и ноу-хау, и только США могут обеспечить возможные масштабы китайских закупок и программ; Китай фактически уже десятилетия выкупает американскую экономику из кризиса, инвестируя в деловые бумаги и другие казначейские обязательства США огромные суммы золотовалютных резервов. В условиях этой взаимозависимости не исключены противоречия, противостояния и конфликты, однако возможность мирового термоядерного конфликта минимальна.

Благодаря быстрому подъему Китая и Индии транснациональные корпорации получили возможность значительно расширить ареалы своих глобальных действий, и уходить с завоеванных позиций они не собираются. Следовательно, всякий крупный

мировой конфликт, который ущемлял бы интересы получения прибыли транснационалами, становится маловероятным. Глобальный капитализм в этих условиях может подвергнуться радикальной трансформации и будет поставлен перед необходимостью выделения ресурсов на ликвидацию хронических мировых проблем – борьбы с бедностью, эпидемиями, хаосом и неуправляемостью в ряде государств мира. Это может сделать мир более безопасным для жизни будущих поколений, но путь к этому результату подвержен многим опасностям, откатам назад и совсем не исключает крупных мировых конфликтов, как бы невыгодны они ни были для участвующих сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Frieden Jeffry A. Global Capitalism: Its Fall and Rise in the Twentieth Century. New York, 2006. P. 56–64.
- ² Ibid. P. 58.
- ³ Kindleberger Charles P. Economic Growth in France and Britain, 1851–1950. New York, 1964. P. 272–273.
- ⁴ Frieden Jeffry A. Global Capitalism, op. cit. P. 107–109.
- ⁵ Ibid. P. 113–124.
- ⁶ Drucker Peter F. Post-Capitalist Society. New York, 1964. P. 34.
- ⁷ Ibid. P. 63.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid. P. 83.
- ¹¹ Amin Samir. Capitalism in the Age of Globalization. London; New York, 2000. P. 104–105.
- ¹² Amable Bruno. Les cinq capitalismes. Paris, 2005. P. 25.
- ¹³ Арриги Джованни. Долгий двадцатый век. Нью-Йорк, 2003. С. 27.
- ¹⁴ Litvin Daniel. Empires of Profit: Commerce, Conquest and Corporate Responsibility. New York; London, 2003. P. 147–153.
- ¹⁵ Korten David C. When Corporations Rule the World. New York, 1996. P. 133–172.
- ¹⁶ Ibid. P. 137 .
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Forbes. November, 2013.

Поступила в редакцию 30.10.13.

УДК 631.147

И. М. БОГДЕВИЧ,
АКАДЕМИК НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
БЕЛАРУСИ (МИНСК)

РАДИОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье обобщаются уроки преодоления последствий аварий на Чернобыльской АЭС (ЧАЭС) и «Фукусима Даичи» АЭС (ФДАЭС). Углубление и распространение знаний и практического опыта по проблемам радиоэкологии рассматривается как необходимый элемент современной культуры и ответственности общества перед ныне живущими и будущими поколениями.

Ключевые слова: ядерная энергетика, радиоактивность, радиационная безопасность, радиоактивное загрязнение окружающей среды, радиационная защита, чернобыльская катастрофа, радионуклиды.

Some lessons resulted from overcoming the consequences of the accidents happened at the Chernobyl NPP (CNPP) and Fukushima Daiichi NPP (FDNPP) are summarized. Deepening and dissemination of the knowledge and practical experience in radioecology is viewed as an important element of modern culture and responsibility of the society to the existing and future generations.

Key words: nuclear power engineering, radioactivity, radiation safety, radioactive contamination of environment, radiation protection, Chernobyl catastrophe, radio-nuclides.

Введение

Ядерная энергетика остается предметом острых дебатов. Сторонники и противники ядерной энергии резко расходятся в оценках ее безопасности, надежности и экономической эффективности. Понятно, что в условиях истощения ископаемых источников энергии трудно представить развитие многих стран без атомной энергии.